

ЕЩЕ О ХРИСТИАНСКОМЪ ПЕССИМИЗМЪ И ОПТИМИЗМЪ

(Отвѣтъ протоіерею С. Четверикову).

Въ отвѣтъ на новое возраженіе мнѣ отца Сергія Четверикова долженъ еще разъ повторить, что мнѣ совсѣмъ не свойственъ тотъ безпросвѣтный пессимизмъ, который онъ склоненъ мнѣ приписывать. Мой пессимизмъ во всякомъ случаѣ активный, а не пассивный. Міровое зло совсѣмъ не исключаетъ для меня вѣры въ Бога, наоборотъ, оно скорѣе доказываетъ, что міръ не самодостаченъ и что существуетъ Богъ. Этимъ я закончилъ свой первый отвѣтъ. Исусъ Христосъ для меня не въ прошломъ существуетъ, Онъ нашъ вѣчный современникъ. Дѣло Христово продолжается на землѣ и будетъ продолжаться до конца міра. Будучи не богословомъ, а свѣтскимъ мыслителемъ, я говорю языкомъ инымъ, чѣмъ тотъ, который принятъ въ церковной средѣ, и избѣгаю говорить специально о церкви въ дифференціальномъ смыслѣ этого слова. Но въ своей книгѣ я отнюдь не подвергаю сомнѣнію непрерывное существованіе церкви Христовой въ мірѣ и ея внутренняго значенія въ историческомъ процессѣ. Вопросъ идетъ совсѣмъ о другомъ, вопросъ идетъ о пониманіи церкви и о ея границахъ. Ограничивается ли сфера церкви, какъ мистическаго организма, видимой оградой церкви и принадлежностью къ той или иной конфессіи? И все ли, что исторически признавалось сакральнымъ дѣйствительно принадлежитъ Церкви Христовой и отъ нея неотъемлемо? Сфера Церкви должна быть разомъ и расширена и сужена. Для очищеннаго пониманія Церкви мнѣ представляется важнымъ сознать, что подъ Церковью разумѣлось не только мистическое тѣло Христово, но и социальный институтъ. Какъ социальный институтъ, дѣйствующій въ исторіи, Церковь погрѣшила и несетъ на себѣ ограниченность всего историческаго, всѣхъ социальныхъ яв-

лений, служила земнымъ интересамъ, загрязнялась, выдавала временное за вѣчное. И въ этомъ смыслѣ отъ исторической Церкви можно ждать и требовать покаянія, признанія своихъ грѣховъ и своей частичной измѣны Христу. Сознать свой грѣхъ и каяться можетъ лишь Церковь въ своемъ человѣческомъ составѣ, въ лицѣ церковной іерархіи и церковнаго народа. Каяться нужно въ измѣнѣ Богу, Христу и Св. Духу. И рѣчь идетъ не о личныхъ грѣхахъ іерархіи и мірянъ, а о грѣхахъ церковныхъ, объ искаженіи христіанства. Христіане іерархи и христіане простые міряне, почитающіе себя людьми церковными, очень виновны въ безбожій современнаго міра и имъ не подобаетъ становиться въ позу обвинителей, хранящихъ истину. Отецъ Сергій Четвериковъ говоритъ, что фарисеи находятся внѣ Церкви. Вотъ это и есть самый трудный вопросъ. Совершенно ошибочно было бы думать, что то возстаніе противъ фарисеевъ, которымъ полно Евангеліе, относится къ далекому прошлому, къ учителямъ еврейскаго народа. Фарисейство есть вѣчный элементъ, который играетъ огромную роль въ жизни исторической Церкви, подавляетъ христіанское богословіе и христіанскую мораль. Фарисеи возможны, конечно, во всѣхъ областяхъ, есть и фарисеи коммунизма. Но церковные фарисеи пребываютъ въ видимой оградѣ Церкви, они не отлучены отъ Церкви, а отлучаютъ другихъ отъ Церкви. Мытари же и грѣшники сплошь и рядомъ находятся внѣ видимой ограды Церкви. Самодовольство пребывающихъ въ церковной истинѣ съ большимъ основаніемъ можетъ быть опредѣлено, какъ фарисейство. Благодушіе, благополучіе и безтрагичность я приписываю тѣмъ христіанамъ, которые мнятъ себя носителями и хранителями полноты истины и защищенными отъ зла міра. Безпокоитъ меня вопросъ о томъ, спасаетъ ли Церковь лишь находящихъ формально въ ея оградѣ или дѣло спасенія распространяется и на по видимости находящихъ внѣ ея, т. е. на большую часть міра? Мнѣ съ трудомъ понятна духовная настроенность, при которой сохраняютъ себя и своихъ отъ зла, большую же часть міра, большую часть людей предоставляютъ погибели. Мнѣ думается, что притча о блудномъ сынѣ можетъ получить и болѣе широкое толкованіе. Блудный сынъ странствуетъ по міру внѣ отчаго дома. Но такимъ является не только тотъ, кто ищетъ счастья и наслажденій жизни, но нерѣдко и тотъ, кто ищетъ истины и правды. Многіе ушли изъ отчаго дома потому, что искали истины и правды, что не могли примириться съ ложью и несправедливостью, ушли во имя знанія или соціальной справедливости. Многіе отошли отъ видимой церкви по высокимъ мотивамъ правдолюбія, а не по низменнымъ мотивамъ. Въ отношеніи къ нимъ неумѣстно фарисейское самодовольство людей, пребывающихъ въ отчемъ до-

мѣ, въ оградѣ Церкви, охраняющихъ себя отъ зла. Мой вопросъ вотъ какой: не должна ли христіанская Церковь не просто привлекать къ себѣ старыми способами людей отпавшихъ отъ нея и переживающихъ муку и тоску міра, а дать творческій отвѣтъ на эту муку и тоску, дать отвѣтъ на новыя вопрошанія и этимъ привлечь къ себѣ? Вотъ что я хотѣлъ сказать, говоря, что недостаточно предлагать людямъ, переживающимъ трагедію міра, вернуться въ Церковь. Это есть упованіе на то, что возможна новая эпоха въ христіанствѣ. Это упованіе никогда во мнѣ не исчезало. Отецъ С. Четвериковъ не обратилъ на это вниманія и потому только воспринялъ меня какъ безнадежнаго пессимиста.

Мнѣ представляется прежде всего необходимымъ дѣлать различіе между фактомъ откровенія, фактомъ религіозно-мистическаго порядка и богословской и философской интерпретаціей этого факта, принадлежащей къ порядку мысли. Произошло сращеніе откровенія съ богословской интерпретаціей, которая всегда заключаетъ въ себѣ ту или иную философію, хотя бы безсознательно. Проблемы происхожденія зла, свободы и т. п., имѣющія свой источникъ въ духовномъ опытѣ, въ своихъ мыслительныхъ рѣшеніяхъ относятся къ сферѣ религіозной философіи. Къ этой сферѣ относится и то, что я говорю о несотворенной свободѣ. Свобода, которой пытались объяснить грѣхопаденіе и возникновеніе зла, есть всегда не только свобода добра, но и свобода зла. Да и свободу нельзя понять, какъ выборъ между добромъ и зломъ, такъ какъ самое различеніе между добромъ и зломъ есть уже результатъ грѣхопаденія (*). Изначальная свобода и возникновеніе зла — предѣльные тайны и въ сферѣ мысли и познанія мы имѣемъ тутъ дѣло съ тѣмъ, что въ философіи называется предѣльными понятіями. Но вотъ какова діалектика этихъ проблемъ. Если Богъ надѣляетъ человѣка свободой, то онъ знаетъ, что надѣляетъ его не только свободой добра, но и свободой зла. Остается совершенно непонятнымъ, почему свобода добра должна быть приписана Богу, свобода же зла приписана исключительно человѣку. Мы упираемся въ непостижимую тайну возникновенія зла изъ свободы, дарованной Богомъ. Очевидно что-то должно тутъ быть признано, какъ имѣющее источникъ иной, чѣмъ Богъ, чѣмъ бытіе, детерминированное Богомъ. Это въ концѣ концовъ долженъ признать и о. С. Четвериковъ. Я и описываю это, какъ предѣльную тайну, которую богословіе пыталось рационализировать. Невозможно приписывать Богу предвидѣніе того зла, которое имѣетъ свой источникъ внѣ бытія и внѣ сотвореннаго Имъ міра. Это совсѣмъ не есть матерія

---

*) См. объ этомъ мою книгу «О назначеніи человѣка».

въ греческомъ смыслѣ слова и не есть злой богъ въ смыслѣ персидско-манихейскаго дуализма. Это — темное и ирраціональное внѣбытійственное начало, на которое не распространяемы никакія раціональныя понятія. Объ этомъ нельзя мыслить, объ этомъ можно говорить лишь миеологически, лишь въ символахъ. И грѣхопаденіе не можетъ быть раціонально понято, оно есть миеъ, что совсѣмъ не означаетъ противоположности реальности. Міротвореніе можетъ быть истолковано, какъ борьба противъ небытія, которое встрѣчаетъ препятствіе въ темномъ элементѣ небытія. Свобода грѣха и зла, исходящая изъ небытія, непобѣдима въ первичномъ актѣ міротворенія, совершеннымъ Богомъ Отцомъ, но она побѣдима Богомъ Сыномъ, сходящимъ въ темныя нѣдра небытія, побѣдима не силой, а жертвенной любовью. Въ этомъ вся мистерія христіанства. Отецъ С. Четвериковъ говоритъ, что невозможно допустить, чтобы было зло непобѣдимое для Бога. Но то традиціонное ученіе, которое допускаетъ существованіе вѣчнаго ада, именно это утверждаетъ, утверждаетъ необходимость зла для Бога. Или сторонники этого мрачнаго и безнадежнаго ученія должны сказать, что вѣчный адъ есть добро, а не зло, такъ какъ означаетъ торжество божественной справедливости. Это въ сущности и утверждаетъ Тома Аквинать. Проекція этого безчеловѣчнаго ученія въ нашу земную жизнь и оправдываетъ какъ разъ рѣзкое дѣленіе міра на лагерь добрыхъ и лагерь злыхъ, на міръ спасающихся и спасенныхъ и міръ погибающихъ, которое представляется мнѣ антиевангельскимъ и возмущающимъ *). Это и есть самая неприемлемая форма пессимизма, которая нѣкоторымъ даетъ возможность чувствовать себя оптимистически. Но глубже того, что мы говоримъ о Богѣ и объ Его отношеніи къ міру и человѣку катаатически, положительно, впадая въ раціонализмъ понятій, лежитъ неизреченная тайна Божья, о которой можно говорить лишь отрицательно, апоатически. Тамъ нѣтъ уже никакого дуализма, никакого противоположенія свѣта и тьмы, тамъ чистый божественный свѣтъ, который есть тьма для разума, и тамъ невозможенъ уже адъ и ни о какомъ пессимизмѣ не можетъ быть рѣчи. Это граница мысли, сфера мистическаго созерцанія и единства. Боюсь, что мой отвѣтъ не удовлетворитъ отца С. Четверикова, ибо его подходъ къ поднятымъ вопросамъ прежде всего пастырски-педагогическій, мой же подходъ иной.

Николай Бердяевъ.

---

*) См. мою книгу «О назначеніи человѣка».